

КУЛЬТУРА ИМПЕРИЙ, СОЗДАННЫХ КОЧЕВНИКАМИ (СКИФЫ, ХАЗАРЫ, МОНГОЛЫ)¹

© М.В. Горелик

Россия, Москва, Институт востоковедения РАН

В исторической науке давно бытует название для государственных объединений, созданных кочевниками – «кочевые империи» (Васильев, Горелик, Кляшторный, 1993. С. 33-44.); тем не менее, до сих пор нет четких дефиниций этого явления, хотя уже само это понятие предполагает определенные выводы. Поэтому, прежде чем приступить к анализу признаков культур таких империй, созданных кочевниками, определим происхождение термина «империя» в данных условиях.

Прежде всего, понятие империи, которое мы считаем вполне правомочным, распространяется нами только на полиэтничные образования, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создатель империи.

В отличие от широко распространенного мнения, мы полагаем, что завоевательный импульс был у кочевников направлен не столько на расширение пастбищных территорий, (что мы не считаем типичным вариантом), сколько на подчинении территорий, население которых принадлежит к иному хозяйственно-культурному типу. Причем это отличие должно было быть достаточно резким, а сами цели кочевников в отношении с оседлым населением могли быть крайне разнообразными.

Рассмотрим здесь отношение кочевников к сельским земледельцам. Необходимо отметить, что практически все кочевники евразийской степной зоны в той или иной мере занимались выращиванием зерновых, как правило, проса (овощи кочевники не употребляли вообще, а использовали дикорастущие лук, чеснок, другие подобные растения в качестве приправы к мясу). Сев и сбор проса кочевыми татарами в начале XV в. был описан Иосафатом Барбаро.

Характерной деталью погребального обряда хазар является наличие серпа в моги-

ле, что дало в начале 50-х гг. XX в. повод советскому археологу Б.А. Рыбакову приписать массу погребений салтовской культуры – то есть культуры Хазарской империи – мифическим (для VII–VIII вв.) руссам. Вероятно, не существовало никогда чисто народа, который бы непрерывно кочевал по степи. В качестве последнего обычно приводят этнографических монголов XIX в., но при этом забывают о более чем 700 монастырях, бывших центрами оседлости, очагами культуры городского типа.

Именно последний хозяйственно-культурный тип и привлекает кочевников непосредственно. Земледельцы интересуют кочевников как объект использования, путем реализации, обмена продуктов земледелия на другие, непосредственно используемые кочевниками товары. Города как раз и были производителями и центрами обмена и перераспределения этих самых товаров (а именно: вина, сушеных фруктов, дорогих тканей, лекарств, парфюмерии, украшений, керамики и оружия и т.п.). Однако цели непосредственного подчинения оседлых народов либо создание своих городских структур возникают у кочевников не сразу.

Становление кочевых империй проходит ряд последовательных этапов. На первом этапе завоевательного периода содержанием военно-политического процесса является консолидация степных племен под властью одного племени и одной династии. Организация мощной военно-государственной машины, будучи целью первого этапа, является средством достижения целей второго этапа, которые обычно реализуются военным путем, — поставить в зависимость от совокупной целостности кочевого общества завоевателей те государства и цивилизации, где более многообразна хозяйственная деятельность. Именно на этой стадии государство, создан-

¹ Впервые опубликовано в: История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. Казань, 2007. С. 195-201.

ное кочевниками, преобразуется в империю. Баланс сил и конкретная историческая ситуация определяют форму, в которую отливаются империя. Например, остаются ли некоевые структуры самостоятельными, автономными от кочевых, находясь от последних лишь в даннической зависимости, либо происходит полная интеграция всех форм хозяйственно-культурной деятельности, над всей массой жителей – безразлично, кочевников или оседлых – царит только династия, а не кочевое сообщество в виде главного племени или объединения племен. На деле, как правило, наблюдалась комбинация различных форм в пределах одного государственно-имперского образования.

В культурном отношении следствием возникшего политического единства становится преобладание генерализации наиболее общих культурных процессов и явлений над сохраняющимися партикулярными тенденциями, определяющими специфику тех или иных регионов. Именно появление общих для империй тенденций в материальной культуре, в формах социальной и политической организации, в идеологии и языковой ситуации создают благоприятные условия к формированию надрегионального и полиэтнического культурного комплекса, который мы и обозначаем термином имперская культура. Здесь мы попытаемся показать ее отражение в материально-художественной культуре.

До середины I тысячелетия до н.э. письменные источники с относительной определенностью позволяют говорить о наличии более или менее развитой государственности лишь у одного этнополитического массива степного пояса Евразии – у европейских скифов. Исследуя культуру кочевников Евразии, исследователи давно выделили так называемую скифскую триаду – оружие, конский убор и стиль украшения предметов (скифский звериный стиль), которые определяют собой общность всей цепочки степных культур, различия в них определяют и локальные этнополитические различия. Таким образом, были выделены основные проявления материально-художественной культуры, служившие репрезентативным целям, и являвшиеся главным индикатором как самой «имперской» культуры, так и характера этой «имперскости». Надо сказать, что не только древние, и не только степные культуры характеризуются в репрезентативном плане этим набором, который в настоящее время можно представить следующим обра-

зом: костюм, аксессуары и личные украшения воина, его личное оружие, снаряжение его коня. Именно по этим признакам узнавался представитель господствующих слоев государства и его сословно-социальный ранг, положение в военно-служилой иерархии. В империи эти признаки должны быть едиными вне различия по этническому признаку.

Если мы рассмотрим с этой точки зрения этнополитические общности европейских скифов, то придется отметить следующие черты их культуры. Во-первых, постоянное сочетание, в различных пропорциях, кочевых и оседлых элементов в пределах относительно больших региональных пространств. Во-вторых, редкость, если не отсутствие собственно городских структур непосредственно в структуре «варварских» государственных образований. Выраженные городские структуры – Ольвия, например, отнюдь не включены в «варварскую» структуру, а находятся под протекторатом правящей династии, как представительницы всего кочевого общества. Античный город явно служит лишь пунктом превращения дани с земледельческого населения в продукты престижного потребления для верхних слоев кочевого общества. Что касается престижных, репрезентативных элементов материально-художественной культуры, то здесь мы видим полное господство кочевнической традиции – традиции сложившейся в кочевой скифской среде. И если в одной из этногонических легенд присутствует земледельческий плуг в качестве сакрального предмета, то ни археологические комплексы, ни изобразительные памятники не содержат даже намека на престижность хлебопашества. Единство же стиля престижных, особенно роскошных золотых вещей, даже и то, что центры производства некоторых их категорий располагались вне собственно скифских территорий, говорит о том, что их заказ и распределение шли из одного (или максимум из трех) центра. То есть, как в Персидской империи Ахеменидов, где те же гривны, акинаки, пояса и сбруя с золотым набором изготавливались только с соизволения царя, и им же распределялись.

В раннесредневековом Хазарском каганате мы наблюдаем существенно иную картину: здесь симбиоз оседлого и кочевого способов хозяйствования в рамках одного этноса имел место, видимо, уже на ранних этапах формирования хазарского государства. Но в процессе завоеваний, в процессе создания империи хазары выступают прак-

тически как «чистые» номады. Интересна полная схожесть элементов военно-политико-экономической стратегии каганата со скифскими. Так, мы видим, что скифы в своей «коллективной» эксплуатации оседло-земледельческого населения захватывают район Среднего Поднепровья как центра сосредоточения этой дани, и устанавливают протекторат над Ольвией, как пунктом реализации ее и получения престижных импортных товаров непосредственного потребления — вина, тканей, предметов роскоши и т.п. Совершенно аналогично поведение хазар, с той же целью захвативших Киев — для сбора дани, и Судак — для ее реализации.

В отличие от скифов, однако, для хазар городские структуры являются первостепенными объектами собственной структуры. Город-столица Итиль — является местопребыванием кагана и наемного войска, и одновременно служит важным ремесленно-торговым центром. То же можно сказать и о городах уже в регионе, откуда разрастался каганат — в Дагестане, и о городах на окраинах — о Судаке, Киеве. Пограничные же крепости были, кроме собственно узлов обороны, еще и пунктами обмена с соседями, таможенными и транзитными станциями.

В материально-художественной культуре репрезентативного круга мы находим весьма жесткую и ограничивающую регламентацию, так что вещь «салтовской» культуры узнается сразу, а кочевнический их характер демонстративно подчеркнут, дабы легитимность связей с кочевым тюркским миром сразу была заметна.

Наиболее же «чистым» примером являются татаро-монголы Восточной Европы. Будучи стопроцентными кочевниками, татаро-монголы после десятилетий войн и разорения развивают крайне бурную деятельность в области градостроительства. Города, возникавшие в большинстве своем на пустом месте, становятся сразу и, прежде всего центрами ремесла и торговли, и лишь некоторые из них — столичные центры являлись и политическими центрами, средоточиями власти, управления. Да и то не на круглый год: совершенно так же, как у хазар, в теплый сезон татаро-монгольский двор кочевал в северном направлении, а с ним двигались канцелярии и мастерские, мечети и торжища. Эти огромные кочевые города-ставки — «орду-базары» — приводили в изумление европейских путешественников. Именно «орду-базар» был средоточием политической жизни империи номадов, и именно его разгром, захват означал

разгром того или иного степного владыки, или переход власти. Недаром чисто военный разгром Мамаю на Куликовом поле нашел отражение лишь в русских летописях, тогда как восточные источники о нем молчат. А вот захват Тохтамышем мамаевых «орду-базаров» отмечен и русскими летописями, и, конечно же, восточными источниками.

Попробуем выделить «имперские» элементы в художественной культуре рассматриваемых кочевническо-оседлых общностях.

В культуре европейских скифов к такому, на наш взгляд, относятся, прежде всего, роскошные золотые изделия — оковки горитов, акинаков, гривны, которые выполнялись для скифов античными греческими мастерами серийно (на ранних этапах такими мастерами были урарты и вероятно, маннеи). Подобно тому, как в Ахеменидской империи репрезентативные изделия из драгоценных металлов изготовлялись в одном или нескольких центрах дворцового подчинения, и затем распределялись лично царем, так и в державе (или унитарной, или триединой) скифов выполненные античными мастерами матрицы хранились в ставках верховного владыки, и по мере надобности с них делались золотые обивки, украшавшие вещи, которые соответствовали рангу их носителя и которые верховный владыка вручал каждому новому владельцу этого очень высокого, может быть, лишь на ступень ниже самого верховного владыки, ранга. Кроме греческих обивок, к числу репрезентативных признаков можно отнести, вероятно, также и уздечные наборы фракийской работы IV в. до н.э. Штучные же, уникальные золотые украшения, также обычно античной работы, по духу своему примыкавшие к имперски-репрезентативным и ими инициированные, служили все же именно индивидуальными либо родовыми отличиями — как самого верховного владыки, так и правителей основных административных составных частей скифской державы.

В хазарской империи, судя по пока имеющемуся набору памятников, к описываемой категории вещей принадлежали, прежде всего, пояса, точнее, металлический поясной набор, и то, что на нем, как на портупее подвешивалось: кинжал, палаш или сабля, чаша или рог. Надо сказать, что общеимперская торовтика, представленная в памятниках салтовской культуры, обладала весьма ограниченным и, главное, очень регламентированным орнаментальным репертуаром, который повторялся в самом разном металле

– бронзе, серебре, золоте. Это говорит об уже сильно структурированном обществе с развитой ранговой системой, которую репрезентировали пояса с одинаковыми узорами, но из разных по стоимости металлов.

Вместе с тем, относительная культурная и административная самостоятельность регионов отражена и в материально-художественной культуре, где на востоке усиливаются (и двигаются на запад) мадьярские и огузско-кимакские мотивы, на западе мощно выделяется аланский элемент, вплетающийся в степные, вообще восточные мотивы, восточно-христианские плетения. С Киевом, как форпостом хазарской цивилизации можно связать ряд характерных для империи номадов вещей, в частности так называемую «саблю Карла Великого» из Вены. А.Н.Кирпичников счел ее киевской–русской, тогда как киевской она может быть только при условии, что этот город входил в сферу влияния хазарской цивилизации, ибо в этой роскошной вещи салтовские и мадьярские элементы сочетаются со скандинавскими.

Обильнее всего материал по татаро-монголам. Как показали недавние исследования и находки, завоеватели явились в Восточную Европу с уже достаточно сложившимся общемонгольским культурно-художествен-

ным комплексом, куда входили покроя и система украшений костюма, характер металлического поясного набора, богатое оружие, поясные чаши и кубки, уздечные и седельные металлические украшения. Сложился этот комплекс под сильнейшим влиянием сначала киданьско-ляоского декоративного искусства, а позднее, и особенно сильно повлиявшего – чжурчжэньского. Поэтому мы наблюдаем в имперском чингизидском искусстве мотив дракона, лотоса, феникса, копытного среди растений, роговидных узоров, преобладание кобальта в чигизидской керамике от Месопотамии и Ирана до Средней Азии и Казахстанских степей. Как и в тюркское время, в монгольское также все представители военной и чиновной знати, вне зависимости от этнической принадлежности выражали свою принадлежность к империи костюмом, аксессуарами, оружием. Поэтому драгоценные ранговые пояса с монгольскими узорами мы находим в погребениях адыгской (черкесской) знати, армянских князей мы видим изображенными в монгольских костюмах и даже с монгольскими прическами, а золотая шапка ордынской работы становится символом власти московских князей.

ЛИТЕРАТУРА

Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань: Фонд им. М.Султан-Галиева, 1993. С.33–44.

THE CULTURE OF EMPIRES CREATED BY NOMADS (SCYTHIANS, KHAZARS, MONGOLS)

M.V. Gorelik

Russia, Moscow, Institute of oriental studies RAN